

ВИКТОР СЕНЧА

НАЧАЛЬНИК МОСКОВСКОГО СЫСКА

Жизнь и книги Аркадия Кошко

Мы договорились, из Москвы в Париж я привезу книгу самого последнего издания воспоминаний его прадеда. Это было несложно: всего лишь зайти в книжный магазин “Москва”, что на Тверской, и как минимум из четырёх интересных сборников, расхватываемых будто горячие пирожки в пасхальный день, выбрать, что называется, по цвету и вкусу. Скорее всего, подумал я тогда, отвезу во Францию “Розовый бриллиант” — именно с него когда-то началась литературная карьера за рубежом знаменитого писателя-эмигранта.

Но, как иногда бывает, в последние дни перед отъездом закрутился, не сумев выкроить время, а когда явился на Тверскую, оставалось только кусать локти: был, говорят, такой автор, но вот уже месяц, как распродали, — всего, без остатка. Вот те на! Кинулся на Арбат — та же картина: исчез месяц назад. Будто сговорившись, одинаково твердили мне и в “Библио-Глобусе”, и даже в солидных букинистических магазинах. “Спасительный”, на первый взгляд, вариант тоже закончился провалом. Взяв дома с книжной полки единственный (и любимый!) томик этого автора, я мечтал об одном: чтоб не оказался он подарочным. Но и этому не суждено было сбыться: книгу, как выяснилось, к очередному юбилею мне подарила благоверная. А это, согласитесь, свято.

Пришлось смириться, остановив своё внимание на пыляевском “Путеводителе по Москве”. Тоже раритет. Но не то. А потому обидно. Ведь если бы дело касалось непосредственно нужного мне автора, уж он-то, вне всякого сомнения, отыскал бы нужную вещицу хоть из-под земли! Такой уж был человек...

Ранним апрельским утром 1910 года в Малом Гнездиновском переулке в Москве раздался телефонный звонок.

— Дежурный по управлению сыскной полиции слушает...

И чем дальше полицейский вслушивался в тараторивший скрипучий голос на другом конце провода, тем серьезнее становилось его лицо. Как только разговор закончился, дежурный набрал номер домашнего телефона начальника...

Произошло неслыханное: обворовали Успенский собор! Тот самый, что на территории Московского Кремля. Узнав о случившемся, император Николай II, возмущённый дерзостью преступников, распорядился найти злоумышленников в кратчайшие сроки. Дело было взято под личный контроль министра внутренних дел Петра Столыпина. С этой минуты для московских сыщиков поймать похитителей стало делом чести.

Тревогу поднял часовой, дежуривший у Кремлёвской стены близ Успенского собора. Он услышал звон разбиваемого стекла и кинулся на звук. В одном из окон храма он заметил человеческий силуэт, по которому и выстрелил, после чего неизвестный скрылся.

Однако с самого начала всё оказалось весьма запутанным. Во-первых, наружный осмотр собора ничего не дал. Во-вторых, никак не могли отыскаться ключи от наружных дверей, а когда представители высшего духовенства их всё-таки доставили, вокруг, как оси вокруг мёда, уже шныряли не только официальные лица, но и вездесущие газетчики. Несмотря на усиленное патрулирование территории Кремля, следов злоумышленников обнаружено не было, а потому задержать преступников по горячим следам не удалось. Тем не менее, священнослужители достаточно быстро обнаружили серьёзную пропажу: исчезли огромный бриллиант и дорогой изумруд из оклада главной святыни Успенского собора – иконы Владимирской Божией Матери.

Это был сложный ребус, требовавший ясного ума и тщательного анализа. Обыски “малин” на Хитровке и Сухаревке, обычных мест сбыта краденого, ничего не дали. Через какое-то время к зданию сысской полиции один за другим стали подъезжать какие-то подозрительные личности, которые, осмотревшись по сторонам, быстро скрывались в тёмном нутре подъезда. Глядя на бегущие глаза некоторых из них, можно было предположить, что они просто-напросто ошиблись если не адресом, то уж дверью – точно. Не ошиблись. Все эти люди с помятыми лицами и тяжёлыми взглядами явились в полицейское управление “по приглашению” его начальника, который обстоятельно и не торопясь лично расспрашивал авторитетных воров, знавших в городе всех скупщиков краденого, о причастности кого-либо из них к ограблению в Кремле. Но те лишь пожимали плечами.

Пришлось всё внимание сосредоточить на месте преступления. А там уже кое-что наводило на определённые подозрения. Было очевидно, что преступникам (или преступнику?) убежать не удалось, но и в храме никого не оказалось. Если где и можно было спрятаться, задумались сыщики, так это за огромным иконостасом во всю стену, размерами от пола до самого верха. Заглянуть за него? Хотя кто туда может пробраться, когда расстояние до стены не больше нескольких сантиметров? Появилось ещё одно препятствие: митрополит Московский Владимир строго-настрого запретил снимать иконы со своих мест. Стали орудовать длинными баграми, прощупывая каждый подозрительный проём. Тщетно: никого...

Всю ночь начальник сысской полиции обдумывал, как найти злоумышленников, сотворивших неслыханное богохульство. И сколько бы ни думал, всё сходилось к тому, что преступник наверняка один и спрятался именно там, в одной из ниш за иконостасом. Если так, то ему не уйти: внутри собора неотлучно дежурят полицейские. Сложнее будет убедить митрополита временно отменить службы в храме, потому что преступник, если он действительно прячется там, только и дожидается, чтобы днём незаметно слиться с людской толпой.

Убедили. И повременить со службой, и подождать хотя бы сутки или двое. Ждать пришлось трое. На третью ночь в соборе за иконостасом послышался непонятный шорох, а через какое-то время перед глазами полицейских, бывших в засаде, предстала странная фигура, выползшая из укрытия. Это и был злоумышленник. Им оказался тщедушный мальчишка лет четырёхнадцати, который после нескольких выстрелов от страха упал в обморок.

Вскоре малолетка уже боязливо жался на стуле в кабинете начальника московского сыска. Мальчонку переодели и накормили, после чего, собственно, и начался допрос. Преступником, поднявшим на ноги всю полицию, оказался некто Сергей Сёмин, подмастерье в ювелирной лавке. Его замысел был прост: с вечера укрыться в храме, а на другой день, после кражи, затеряться среди прихожан. Но уйти с места преступления помешал выстрел часового, заметившего, как тот вылезал из окна. После выстрела он спрятался внутри здания.

В своём укрытии за иконостасом мальчишка просидел три дня, питаясь одними засохшими просфорами, которые он нашёл там же; пригодилась и бутылка кагора, обнаруженная в алтаре. Драгоценности хитрец спрятал в укромном месте, в одной из гробниц. Поначалу мальчишка ни в какую не хотел показать тайник, но потом, растроганный хорошим к себе отношением со стороны “начальника”, всё рассказал.

На суде (приговорившем, кстати, Семёна к восьми годам каторги) в своём последнем слове подсудимый заявил: “Одно могу сказать, господа правосудие, что ежели бы не господин Кошкин, то не видать бы вам бруллиантов!..”

Преступник ошибся: он имел дело не с “господином Кошкиным”. Начальником московского сыска в ту пору был Аркадий Францевич Кошко.

* * *

Как только не называли в те годы газетчики этого человека: “русский Шерлок Холмс”, “гений сыска”, “московский Лекок”... А что же сам сыщик? Да ничего. Он просто очень любил то дело, которым занимался долгие годы, и старался выполнять его высокопрофессионально и честно. Так кто же он, этот гений русского сыска?

Всё началось с того, что однажды маленькому Аркаше в библиотеке его отца в поместье близ Минска в руки попала то ли книжница детективных рассказов, то ли целый роман*. Возможно, это был майнридовский “Всадник без головы” или томик французского писателя Эмиля Габорио про похождения бравого сыщика Лекока. С юности склонный к яркому восприятию прочитанного и наделённый творческим артистизмом, мальчик уже не мыслил себя в иной ипостаси, кроме как смело бросаться в погони и раскрывать запутанные преступления.

Однако жизнь распорядилась иначе. Отец настоял, чтобы Аркадий пошёл по стопам старшего брата Ивана и стал кадровым военным. Сын перечить батюшке не стал. Кошко поступил в Казанское пехотное юнкерское училище, по окончании которого прибыл для прохождения службы в 5-й пехотный Калужский полк, расквартированный в Симбирске. Начались те самые “тяготы и лишения армейской службы”, которые так живо описаны в рассказах Куприна и Льва Толстого. Но душа деятельного молодого человека требовала чего-то “более жизненного”, и в двадцать семь лет он подал прошение об отставке.

Так в 1894 году Аркадий Францевич вместе с семьёй приезжает в прибалтийскую столицу империи – город Ригу. Именно там, на берегу Даугавы, и засветилась пока ещё только звёздочка будущего знаменитого сыщика, поступившего на службу в городскую полицию на должность помощника участкового пристава. Здесь Кошко никого не знал. Не знали и его. И этим, догадался молодой полицейский, можно воспользоваться. Конечно, с выгодой для общего дела.

Переодевшись в одежду простого рабочего, он слонялся по рижским рынкам, кабакам, притонам, причалу, знакомясь с людьми “социального дна”, от которых получал самую свежую (зачастую – ценнейшую!) оперативную информацию. Вскоре появились первые раскрытые им преступления – кражи, убийства, грабежи. Через четыре года Кошко уже стал приставом.

Ещё в рижский период сыщиком была создана особая картотека преступников, включавшая фотографии (“фас” и “профиль”) и антропологические данные (использовался так называемый метод Бертильона). В результате преступность в городе заметно пошла на спад, в том числе значительно увеличилась раскрываемость особо опасных преступлений и жестоких убийств. Чем дольше Кошко служил в полицейском ведомстве, тем больше приходил к выводу, как важна в повседневной деятельности сыщика идентификация личности преступника. Он одним из первых ратовал за введение в практику раскрытия уголовных преступлений вместо рутинного и довольно условного метода Бертильона передового и более точного – *дактилоскопического* – идентификации преступника по отпечаткам пальцев.

Главную же причину своего успеха Аркадий Францевич видел в *скрупулёзном* отношении к делу. Как он сам говорил, в раскрытии преступлений не бывает мелочей. Эти мелочи, по мнению сыщика, и есть цепочка, ведущая к злоумышленнику, они – ключ к расследованию. Маленькая улика, получал Кошко подчинённых, способна привести к раскрытию большого преступления.

*Аркадий Францевич Кошко родился в 1867 году в имении Брожка Бобруйского уезда Минской губернии (ныне – Бобруйский район Могилёвской области Республики Беларусь).

Работа была не из лёгких. Но награды и продвижение по службе сделали своё дело: за шесть лет работы в сыске Аркадий Кошко от помощника участкового пристава дослужился до начальника сысской части г. Риги. Но и на этом посту он оказался верен своим традициям: часто лично встречался с простыми людьми, выслушивая их жалобы; если дело было срочным, принимал посетителей круглосуточно.

Десять лет (пять из которых в должности начальника сысской полиции), проведённых в Риге, не прошли даром. Несмотря на революционную ситуацию, царившую в те годы во всей империи, Лифляндия оставалась относительно спокойным в криминальном отношении уголком. Но и за это, как оказалось, нужно было платить. Такое спокойствие не устраивало революционеров, стремившихся раздуть в Прибалтике “пламя борьбы за свободу”. Зачастую уголовники были тесно связаны с эсерами и большевиками. А это уже политика. В те годы чиновники самых разных уровней гибли под пулями и бомбами десятками и сотнями: министры, губернаторы, полицейские чины. Но Рига по-прежнему считалась таким “островком” относительного благополучия. Местные сыскари не только ловили грабителей и убийц, но и быстро вычисляли и задерживали опасных боевиков. Результат не заставил себя ждать: в адрес Кошко и его семьи посыпались угрозы физической расправы. Уповать на то, что ушкуйники, опьянённые идеями марксизма, шутят, не приходилось, и Аркадий Францевич подал рапорт о переводе.

В 1906 году талантливый сыщик был назначен заместителем начальника полиции Царского Села; потом – новое назначение, на этот раз помощником начальника Петербургского сысского отделения. Столица империи пахнула жарким молохом революционного пожара. Но это ничуть не смутило сыщика, который с ещё большим рвением кинулся выжигать калёным железом бандитизм, замаскированный под политическую борьбу. Три года бессонных ночей и жизни на грани жизни и смерти. Новый министр внутренних дел Пётр Аркадьевич Столыпин быстро замечает неординарного сыщика и назначает его главой московского сыска.

Что из себя представляла тогда купеческая Москва, легко представить, прочитав пару страниц из Гиляровского:

“... В “Кулаковку” даже днём опасно ходить – коридоры тёмные, как ночью. Помню, как-то я иду подземным коридором “Сухого оврага”, чиркаю спичку и вижу – ужас! – из каменной стены, из гладкой каменной стены вылезает голова живого человека. Я остановился, а голова орёт:

– Гаси, дьявол, спичку-то! Ишь, шлятся!

Мой спутник задул в моей руке спичку и потащил меня дальше, а голова ещё что-то бурчала вслед.

Это замаскированный вход в тайник под землёй, куда не то что полиция, – сам чёрт не полезет. . .

Страшные трущобы Хитровки десятки лет наводили ужас на москвичей. . .

Вот дом Орлова – квартиры нищих-профессионалов и место ночлега новиков, ещё пока ищущих подённой работы. . . Вот рядом огромные дома Румянцева, в которых было два трактира: “Пересыльный” и “Сибирь”, а далее, в доме Степанова, трактир “Каторга”, когда-то принадлежавший знаменитому укрывателю беглых и разбойников Марку Афанасьеву, а потом перешедший к его приказчику Кулакову, нажившему состояние на наситенном своим старым хозяином месте.

И в “Каторге” нет теперь двери, из которой валил, когда она отворялась, пар и слышались дикие песни, звон посуды и вопли поножовщины. . . Ещё совсем недавно круглые сутки площадь мельтешила толпами оборванцев. Под вечер металась и галдели пьяные со своими “марухами”. Не видя ничего перед собой, шатались нанюхавшиеся “марафету” кокаинисты обоих полов и всех возрастов. Среди них были рождённые и выращенные здесь же подростки-девочки и полуголые “огольцы” – их кавалеры.

“Огольцы” появлялись на базарах, толпой набрасывались на торговки и, опрокинув лоток с товаром, а то и разбив палатку, расхватывали товар и исчезали врассыпную.

Степенью выше стояли “поездошники”, их дело – выхватывать на проездах бульваров, в глухих переулках и на тёмных вокзальных площадях из верха пролётки саки и чемоданы. . . За ними “фортачи”, ловкие и гибкие ребята, умеющие лазить в форточку, и “ширмачи”, бесшумно лазившие по карманам

у человека в застёгнутом пальто, заторкав и затырив его в толпе. И по всей площади – нищие, нищие... А по ночам из подземелий “Сухого оврага” выползали на фарт “деловые ребята” с фомками и револьверами... Толкались и “портяночники”, не брезговавшие сорвать шапку с прохожего или у своего же хитрована-нищего отнять суму с куском хлеба.

Ужасные иногда были ночи на этой площади, где сливались пьяные песни, визг избиваемых “марух” да крики “караул”. Но никто не рисковал пойти на помощь: раздетого и разутого голым пустят да ещё избьют за то, чтобы не лез куда не следует...”*

Одним словом, деловая Москва, в отличие от столицы, больше напоминавшей сонно-чиновничий Олимп, была городом торговым и живым, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. А где купец – там и разбойнику-удалец. Она буквально кишела ворами, налётчиками, убийцами, которые с приходом ночи и были истинными московскими хозяевами.

Тем не менее, постепенно и здесь стали наводить порядок. Полиция разгоняла “малины”, прикрывала притоны, а широкомасштабные облавы давали богатый улов. Как бы брезгливо уголовники ни кривились при виде полицейских, постепенно их стали бояться и уважать. А чтобы окончательно утвердить своё положение в городе, Кошко ввёл очередное новшество: на лацкане пиджаков работников московского сыска появился особый знак с надписью “МУС” (Московский уголовный сыск)**.

К Первой мировой войне об успехах МУСа уже было хорошо известно не только в России, но и за её пределами. В 1913 году международный съезд криминалистов в Швейцарии назвал московскую сыскную полицию самой лучшей по раскрываемости уголовных преступлений в мире! А особая система идентификации личности, разработанная генералом Кошко, была взята на вооружение полицией целого ряда стран, в том числе и Скотланд-ярдом. Стоит ли удивляться, что вскоре прославленный сыщик возглавил уголовный розыск всей Российской империи? В 1917 году Аркадий Францевич Кошко получает чин статского советника, соответствующий генеральскому званию.

* * *

В те же дни, когда произошла кража в Успенском соборе Кремля, Москву потрясло ещё одно событие – поистине страшное и мистическое. В Ипатьевском переулке кто-то организовал настоящую бойню. В небольшом доме одновременно было убито девять человек, в том числе пятеро подростков. Убивали зверски, пробивая черепа тяжёлой железякой. И в этот раз мастерство работников МУСа оказалось на высоте: изверга (убийца оказался один!) нашли буквально в считанные дни и отправили на пожизненную каторгу.

Кому тогда могло прийти в голову, что через каких-то восемь лет нечто подобное повторится, только в другом городе и совсем с иными людьми? Напомним: Екатеринбург, царская семья, Ипатьевский особняк, кровавая вакханалия, унесшая одиннадцать невинных душ... Правда, расстрельщики царской семьи не только ускользнули от беспощадного меча Немезиды, но и сумели стать “почётными пенсионерами” Страны Советов. Таковы реалии времени...

Россия бурлила. Февраль семнадцатого опрокинул могучую когда-то империю с ног на голову. Отречение Государя от престола, политический хаос, сопровождавшийся упразднением Временным правительством всех сыскных отделений, амнистированием политических заключённых и даже тех, кто оказался за решёткой за тяжкие преступления. Страну захлестнула волна небывалой доселе преступности и насилия. Действительность оказалась страшней, чем можно было себе представить. Сотни полицейских, в том числе опытных сыщиков и криминалистов, нашли смерть от финки “мокрушника”

* Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., “Московский рабочий”, 1979. С. 27–28, 32–33.

** Уголовный элемент тут же отреагировал на это новшество, и в дальнейшем за оперативниками надолго закрепилось презрительное определение “мусора”. Лучшие сотрудники сыска поощрялись номерными значками с изображением собаки породы легавая, что послужило основанием для другого прозвища сыщиков – “легавые”.

или нагана налётчика из числа так называемых “птенцов Керенского” – амнистированных в суматохе революционного угара отъявленных уголовников.

Осенью семнадцатого случился Октябрьский переворот, поставивший жирную точку в игре в демократические игрушки. С приходом к власти большевиков оставаться в Москве стало опасно: со дня на день за статским советником могли явиться “братишки” в кожаных тужурках. Для немолодого уже человека, разделившего судьбу с тысячами своих соотечественников, жизнь, похоже, начиналась с чистого листа.

Впереди были тяжёлые годы скитаний и эмиграции...

* * *

Странное ощущение: глядя на стоящего передо мной невысокого плотного человека, ловлю себя на мысли, что эти умные глаза, смотрящие на меня сейчас открыто и с интересом, мне уже когда-то приходилось видеть. И если не знать, с кем имеешь дело, можно вспоминать бесконечно; но я знаю – и с кем имею дело, и на чьи похожи эти глаза. Ибо мой собеседник – правнук “русского Шерлока Холмса” *Дмитрий де Кошко*.

Француз во втором поколении, Дмитрий Борисович – профессиональный журналист, выпускник Сорбонны, долгое время работавший в агентстве “Франс Пресс”; сейчас – председатель Ассоциации “Франция–Урал”. Беседовать с журналистом всегда просто: минут через пять моего общения с Кошко он уже понимает, что от него требуется. А потому наш разговор больше напоминает монолог, а не диалог; я стараюсь не перебивать, наслаждаясь правильно поставленной русской речью и этой едва уловимой мягкостью языка, свойственной русским, долго прожившим за границей. Однако чем дольше говорит мой собеседник, тем больше приходится удивляться: оказывается, мы совсем напрасно называем потомков наших эмигрантов французами, англичанами или американцами, ведь сами они по-прежнему считают себя *русскими*.

– По воспоминаниям моей бабушки, после революции им здорово досталось, – рассказывает Дмитрий де Кошко. – Как, впрочем, и всем русским, отказавшимся жить под большевистским игом. У Аркадия Францевича было три сына – Дмитрий, Иван и Николай. Старший и средний сыновья, будучи офицерами Первого гвардейского стрелкового полка, воевали на фронтах Первой мировой. Двадцатипятилетний Дмитрий погиб в сентябре 1914-го. Годом позже Иван, будучи раненым, оказался в плену; долго считался пропавшим без вести. Потом его обменяли на пленного немецкого офицера*.

Сам Кошко во время гражданской войны с женой Зинаидой Александровной и младшим сыном Николаем волею судьбы оказался в Киеве. Что из себя представлял тогда Киев, хорошо известно: тысячи беженцев, гетман Скоропадский, немцы, большевики, Петлюра, вновь большевики... Каждая власть насаждала своё правление насилием и кровью. Приходилось быть очень осторожным.

Однажды, продолжает Дмитрий Борисович, Аркадия Францевича узнал один из уголовников – варшавский вор. Прямо на улице Киева. Следует сказать, что польские воры пользовались в сыске не самой лучшей репутацией, отличаясь хитростью и изощрённым коварством. Казалось бы, напиши тот донос – и царского сыщика сотрут в порошок! Но не тут-то было! Именно бластные из уважения к “сыскарю” помогли беглому генералу переправиться к Деникину. Главнокомандующий Добровольческой армией слыл человеком умным и, по достоинству ценя заслуги талантливого сыщика, сделал тому предложение стать начальником уголовной полиции Симферополя, а позже – Одессы. Кошко согласился, а потом уже из Одессы перебрался в Константинополь.

Как известно, русским эмигрантам в Турции жилось очень тяжело. Аркадий Францевич не был строевым офицером, а потому не получал никакого довольствия – ни денежного, ни продуктового. Нужно было как-то выживать. И он открыл детективное агентство (по английской лицензии), занимавшееся поиском разного рода мошенников и воров, выслеживанием неверных супру-

* У А. Ф. Кошко было два брака. От первого брака у него остался сын Александр, ставший впоследствии большевиком. О нём почти ничего не известно, кроме того, что в начале тридцатых он был репрессирован, а позже расстрелян.

гов, консультированием по вопросам, связанным с сохранением имущества. Весь богатейший опыт сыщика здесь пригодились как никогда: Кошко спас собственную семью от голодной смерти. Когда дело пошло на лад – новый удар: младотурки во главе с Кемаль-пашой заключили с большевиками союз и в знак особого признания ленинскому правительству надумали, пожертвовав белогвардейскими беженцами, выпроводить непрошенных гостей обратно, в совдеповскую Россию.

Пришлось в который раз паковать чемоданы, садиться на пароход и вновь мчаться навстречу судьбе. На этот раз остановились во Франции; сначала семья осела в Лионе (жили в приюте для эмигрантов), потом переехала в Париж, где к тому времени уже обосновался родной брат генерала Иван Кошко.

Иван (Мячеслав) Францевич Кошко (1859–1927) был старше своего брата Аркадия на восемь лет. После окончания 2-й военной гимназии в Санкт-Петербурге он поступил в Николаевское инженерное училище; позже окончил курс Академии Генерального штаба. С 1890 года – на службе в структуре Министерства внутренних дел, служил земским начальником в Новгородской губернии.

Далее карьера Ивана Францевича стремительна: с мая 1906 года – вице-губернатор Самарской губернии; в 1907–1910 годы – губернатор Пензенской губернии; в 1911–1914 годы – губернатор Пермской губернии.

Пребывание Кошко в Самаре оказалось не самым лучшим временем в его карьере: в те дни террористами был убит самарский губернатор Блок. Так Иван Францевич стал исполняющим обязанности губернатора. Месяц-два – убили бы и его. Следовало выработать тактику поведения. И он её выработал. Кошко открыто и без всякой охраны разгуливал по городу; мало того – в парадном мундире. Это был своего рода вызов: хотите стрелять – стреляйте, всех не перестреляете! Типичное поведение чиновника столыпинского толка.

При его губернаторстве в Пензе открылась частная мужская гимназия Захарьина; заработала электростанция, распахнул двери созданный на пожертвования населения Свято-Владимирский детский сад; началось строительство вокзала станции Пенза Московско-Казанской железной дороги. . .

В должности губернатора Пермской губернии Иван Францевич, со слов Дмитрия де Кошко, “энергично отстаивал государственные интересы против некоторых иностранных инвесторов и узких и близоруких интересов тогдашних уральских капиталистов”. Как поведал мой собеседник, история увольнения Ивана Францевича со службы была связана с именем Григория Распутина, который однажды проездом посетил Пермь. После этого газетчики раструбили, будто сам губернатор Кошко “устроил пышную встречу Распутину и Вырубовой”. И Кошко был вынужден послать в газеты опровержение, согласно которому самого губернатора в то время в городе не было, но даже если бы и был, писал губернатор, то ни в коей мере не озаботился бы таким “важным” происшествием.

В 1916 году Иван Францевич издал в Петрограде “Воспоминания губернатора (1905–1914)”. Был награждён орденами Святого Станислава и Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 3-й степени.

После революции имение Каменка сожгли, а хозяина новые власти арестовали и отправили в новгородскую тюрьму. Не умереть с голоду помогли. . . крестьяне, носившие бывшему помещику еду. Они же спасли его от расстрела. Оказавшись на свободе, Кошко вместе с большим сыном Борисом, который страдал костным туберкулёзом, уехал в Петроград. И вновь арест (Бориса заключили в Петропавловскую крепость). Лишь чудом удалось им остаться живыми. Находиться в России стало крайне опасно – в любой момент могли расстрелять.

* * *

Когда Аркадий Кошко оказался во Франции, ему было далеко за пятьдесят – позади осталась большая часть жизни. В таком возрасте трудно начинать всё с самого начала.

Полагаться на кого-то не приходится. Скудные накопления позволяют едва сводить концы с концами. Кошко пробовал работать в меховом магазине, но долго там не задержался. Англичане предложили ему работу в Скотланд-

ярде, а заодно и британское подданство, но он отказался, предпочитая оставаться во Франции. Тогда многие надеялись, что большевистский режим в России вскоре рухнет, и все вернутся домой. По этой же причине русские эмигранты долгие годы де-юре оставались подданными России.

Но годы шли, а возвращением на родину и не пахло. Именно тогда и помогла незатейливая приставка “де” к фамилии Кошко. Дело в том, что задолго до революции, когда русские дворяне приезжали на отдых в Париж или на Лазурный берег, для свободного перемещения по стране им выдавали документы, в которых к фамилиям дворян прибавляли эту самую частицу “де”. Именно по таким документам после Октябрьского переворота русским эмигрантам выдавали так называемые “нансеновские паспорта”*. Эти паспорта позже помогли семейству Кошко натурализоваться во Франции. Так весь род Кошко за рубежом стал именоваться *де Кошко*.

Бывший статский советник Кошко, безусловно, был человеком умным, за плечами которого имелся богатый жизненный и профессиональный опыт. Не привыкший сидеть без дела, Аркадий Францевич стремился “найти себя” и на чужбине. Помочь забыть в суровой эмигрантской реальности помогали воспоминания о покинутой родине. Но о чём бы он ни думал, всё сводилось к работе сыщика, которой этот человек посвятил большую часть жизни. И тогда он начал *писать*.

Это не было писанием мемуаров. Творческий пыл, закованный в душную клетку обыденности, требовал выхода; интеллектуальный потенциал, законсервированный в мозговых извилинах, выплёскивался с кончика пера, оживляя пережитое. Мемуары в глазах того, кто их пишет, всегда претендуют на их неординарное место на полке Истории. Именно поэтому мемуарист так тщательно фиксирует в них даты, имена, события. В детективных рассказах Аркадия Кошко всё это проходит как бы вскользь, этаким второстепенным штрихом, да и то для того только, чтобы сориентировать читателя, где и когда произошло событие. Каждое произведение начинается почти одинаково: “В 1910 или 11 году, точно не помню, на одном из переулков, выходящих на Арбат, произошло убийство...” или “В одно прекрасное утро 1913 года я получил письмо...” и так далее.

Всё становится на свои места, когда начинаешь понимать, что литература для Кошко стала своего рода возвращением в тот привычный мир, в котором автор жил у себя на родине, в России. Главным для него было не описание того или иного происшествия, а погружение в эпоху, ушедшую, как он понимал, навсегда и безвозвратно.

“Тяжёлая старость мне выпала на долю, — напишет он в предисловии к первому сборнику своих “Очерков”. — Оторванный от родины, растеряв многих близких, утратив средства, я, после долгих мытарств и странствований, очутился в Париже, где и принялся тянуть серенькую, бесцельную и никому теперь не нужную жизнь. Я не живу ни настоящим, ни будущим — всё в прошлом, и лишь память о нём поддерживает меня и даёт некоторое нравственное удовлетворение... Часто теперь, устав за трудовой день, измученный давкой в метро, оглушённый рёвом тысяч автомобильных гудков, я, возвратясь домой, усаживаюсь в покойное, глубокое кресло, и с надвигающимися сумерками в воображении моём начинают воскресать образы минувшего. Мне грезится Россия, мне слышится великопостный перезвон колоколов московских, и, под флёром протекших в изгнании лет, минувшее мне представляется отрадным, светлым сном: всё в нём мне дорого и мило, и не без снисходительной улыбки я вспоминаю даже и о многих из вас — мои печальные герои...”

Это ли не слова человека, безмерно влюблённого в свою Родину?

Описывая тот или иной эпизод, автор не просто повествует — он так или иначе сам оказывается в гуще событий. Сначала молодым рижским приставом, потом — уже начальником сыска. Рига, Санкт-Петербург, Москва, вновь Петербург... Кошко не просто пишет — он *смакует*. Этому битому жизнью человеку и в этот раз удаётся провести вертлявую Фортуну, заставив повернуться к себе лицом. Если судьба сыграла с ним злую шутку, отняв самое доро-

* Нансеновский паспорт — международный документ, удостоверявший личность человека. Выдавался Лигой Наций для беженцев без гражданства. Был разработан в 1922 году норвежцем Фритьофом Нансеном, комиссаром Лиги Наций по делам беженцев.

гое из той, *прошлой*, жизни, — любимую работу, — значило ли это, что следовало смириться — сдаться без боя, постыдно, умерев с поднятыми руками? Решение пришло само собой: он должен вернуться к тому, чем занимался всю свою жизнь, — если не реально, то хотя бы мысленно.

А вспомнить было что! Перед глазами всплывали обманщики и обманутые, воры и грабители, убийцы и их жертвы — зачастую обычные граждане, оказавшиеся в силу обстоятельств в непростой жизненной ситуации. Ожившие образы, стоявшие перед глазами, словно наяву...

Вот промелькнуло умное и строгое лицо княгини Шаховской-Глебовой-Стрешневой, богатейшей женщины России, лишившейся фамильных драгоценностей. Как оказалось, пропали две нитки крупного жемчуга, кольцо с сердоликом и розовый бриллиант. В кольце хранился локон волос Евдокии Лопухиной, первой жены императора Петра Великого, закончившей жизнь в монастыре. Свой локон Евдокия передала влюблённому в неё одному из Стрешневых. Да и розовый бриллиант оказалась раритетом: в своё время он был подарен царём Алексеем Михайловичем жене, бывшей в девичестве Стрешневой. Княгиня тут же заподозрила в краже личного секретаря-француза, однако ошиблась: вором оказался уволившийся накануне лакей, которому, как и следовало ожидать, дама полностью доверяла.

Страшный лик Сашки-Семинариста, грабителя и убийцы, терроризировавшего первопрестольную целый год. После задержания садиста отправили на каторгу. Но, как потом выяснилось, ненадолго: Февральская революция его амнистировала, и он “гулял”, оставляя за собой кровавый след, ещё три года. Опомившись, большевики расстреляли в 1920 году...

Откушенный палец убийцы, застрявший во рту жертвы... Рижские “алхимики”, продававшие иностранцам под видом россыпного золота медные опилки... Бывший армейский кавалерист Раков — “испанский гранд”, — которого краплёные карты сделали “королём рижских шулеров”... Лже-Шаляпин, заставивший поломать голову столичных сыскарей... Как давно всё это было! А будто вчера...

Кража драгоценных камней, подобная той, что произошла в Успенском соборе Кремля, оказалась в послужном списке Кошко не единственной. Нечто похожее случилось, когда он ещё служил в Прибалтике. В Рижском кафедральном соборе с одной из икон был украден крупный бриллиант. На ноги был поднят весь местный сыск. Тем не менее, когда он сейчас писал об этом, лицо его не раз озарялось улыбкой. Дело-то прошлое, всё обошлось, пропажу нашли. Зато тонкости операции невольно заставляли посмеяться.

Кошко сразу заподозрил в краже церковного старосту и его жену, потому-то одному из агентов и приказал спрятаться у них в спальне, под кроватью, для так называемой “прослушки”. А потом для супружеской парочки произошло нечто неожиданное. Поздно вечером под окном сторожки раздался крик: “Панкратьев, где бриллиант?” Это кричал сам Кошко. И тут обезумевшие хозяева увидели вылезавшего из-под их кровати того самого Панкратьева, который радостно сообщил, что бриллиант спрятан в дровах. Об этом, мол, рассказали сами супруги. Говорили меж собой, а получилось, что для агента. Драгоценный камень нашли. Правда, пришлось переколоть почти всю поленницу... Начальник сыска радостно потирал руки, а вот Панкратьев... Тот был нарочито серьёзен: легко ли, ворчал он, было восемь часов лежать под кроватью? А потом добавил: “Они, сволочи, пружинным матрасом чуть мне всю рожу не расцарапали...”

Скрипит, побрызгивая чернильными капельками, перо. Уже ночь, но писатель этого не замечает. Ещё столько нужно всего рассказать! Вот он с револьвером в руке гонится за грабителем по узенькой улочке Риги; перестрелка в тёмном московском переулке; и снова рискованная погоня... Грохот, звон разбитого стекла, крики о помощи, топот убегающих... Как всё это будоражит нервы! Порой трудно отличить явь от воспоминаний...

За окном похрапывает уставший за день равнодушный Париж.

Напряжённая работа за письменным столом требовала много сил и здоровья. А вот с ним-то всё обстояло не так благополучно, как хотелось бы. Годы давали себя знать: побаливало сердце, появилась одышка, иногда хватывал кашель. Но без того, чем он сейчас занимался, бывший сыщик уже не представлял себе жизни.

“Перебирая по этапам пройденный жизненный путь, – писал Кошко, – я говорю себе, что жизнь прожита не даром. Если сверстники мои работали на славном поприще созидания России, то большевистский шторм, уничтоживший мою родину, уничтожил с нею и те результаты. ... Я счастливее их. Плоды моей деятельности... непосредственно потреблялись человечеством”.

Первые рассказы увидели свет в парижском еженедельнике “Иллюстрированная Россия”. И сразу же нашли отклик в сердцах сотен благодарных читателей. В редакции запросили ещё. Ещё так ещё...

Вскоре стало понятно, что воспоминаний накопилось на целый сборник. И в 1926 году в Париже вышел первый том сочинений Кошко “Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сысской полиции и заведующего всем уголовным розыском империи”. Двадцать рассказов, покоровивших парижского обывателя. К сожалению, это был единственный прижизненный сборник писателя.

“Очерки” принесли их автору успех. Книга раскупалась в магазинах в считанные дни. Есть основания считать, что литературный мир эмигрантского Парижа конца двадцатых – это не только Бунин, Куприн, Шмелёв, Осоргин, Бальмонт или Набоков. То было время и детективных рассказов Аркадия Кошко, в прошлом – известного сыщика.

Эмигранты первой волны были людьми чувствительными. Пережившие ужасы двух революций и гражданской войны, они слишком близко воспринимали тему возмездия и попорченной справедливости. Каждый из них будто ждал подобных рассказов и, наконец, дождавшись, вновь и вновь окунался в такое пленительное чтиво.

Да, это был Успех. Большой, настоящий, невыдуманный. Почти неожиданный и... заслуженный. Он подарил им это. Им и себе.

* * *

Когда мы расстались, уже начинало смеркаться. Багровое июньское светило, засыпая, едва держалось, успев матовым краем зацепиться за краешек зубца далёкого замка. Наш разговор вошёл в некую стадию отрывочных предложений. Так бывает, когда уже почти всё сказано и пора расставаться. Мы пожимаем руки, желая друг другу удачи. Этот спортивный шестидесятилетний парижанин ещё тот! Ловко оседлав железного коня, он застёгивает шлем, после чего давит на ручку газа, а потом, крикнув на прощание: “До встречи! Пока!” – отжимает сцепление. Ещё миг – и мой знакомый скрывается за дальним поворотом.

– Пока...

До ближайшей станции метро остаётся не больше квартала. Торопиться некуда, не спеша двигаюсь в сторону подземки. Оглядываюсь на поворот, за которым минуту назад исчез на скутере мой визави. Он постоянно перед моими глазами. Француз, называющий себя русским. Русский, которому не снится Россия... *

* В декабре 2006 года Общественное объединение ветеранов оперативных служб “Честь” учредило общественную награду – орден А. Ф. Кошко. Им награждаются оперативные работники за заслуги в деле уголовного сыска.